

Т.В. Павлова. Обрядовый фольклор эвенков Якутии (музыкально-этнографический аспект). СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 262 с.

В издательской аннотации к рецензируемой книге говорится, что работа Т.В. Павловой – первый опыт описания традиционной музыкальной культуры эвенков Якутии (с. 2). Это не совсем точно – данная книга является первым монографическим исследованием музыкальной народной культуры эвенков как этноса и одновременно первой книгой, посвященной обрядовому фольклору эвенков во всех его аспектах.

Автор книги – музыковед, хорошо зарекомендовавший себя специалист по музыкальному фольклору и музыкальной культуре эвенков. Ранее вышли в свет такие труды Т.В. Павловой, как “Образцы музыкального фольклора эвенков Якутии” (Якутск, 1996) и “Песни эвенской мелодистки Христины Захаровой” (Якутск, 2000). Предметом первой работы стали напевы эпических сказаний, песни-импровизации, песни-звукоподражания голосам животных, запевы кругового танца “Хэде”, образцы горлового пения эвенков. Во второй работе опубликовано 20 песен-импровизаций Х. Захаровой, одаренной исполнительницы эвенских песен – здесь заслуживает быть отмеченным то, что традиции песен-импровизаций эвенков, как и песенные традиции других народов, продолжают свою жизнь именно в форме индивидуального творчества отдельных исполнителей, представляющих новое поколение носителей традиционного музыкального и словесного фольклора.

Введение к книге (с. 3–19) освещает современные проблемы изучения эвенского фольклора, в первую очередь связанного с этнической музыкальной традицией, а также содержит краткую, но научную и информативную историко-этнографическую справку об эвенках и историю изучения их культуры, которая в песенно-музыкальной части снабжена весьма подробной библиографией.

Гл. I – “Традиционная музыкальная культура эвенков: опыт обзора” (с. 20–59) – содержит общую характеристику музыкальной культуры эвенского этноса. Автор пишет: “...Музыкальная культура эвенков представляет собой не просто совокупность отдельных жанровых образований, а развернутую, разнородную, сложно организованную систему” (с. 20). Особое место в этой системе занимает обрядовый компонент, привлекающий основное внимание автора. В этой главе рассматривается художественно-эстетическая и композиционная роль запевов в эпосе, а также мелодии эпоса, далее следует характеристика мелодий лирических жанров музыкального фольклора, и дается описание музыкальных инструментов, бытующих у эвенков.

Гл. II – “Заклиняние-благопожелания хиргэчэн” (с. 60–88) – посвящена наиболее распространенному жанру обрядового фольклора эвенков. Как отмечает автор, адресаты заклинаний-благопожеланий, называемых по-эвенски *хиргэчэн*, – божества верхнего мира, духи среднего мира, люди, животные, птицы, растения. Весьма важно, что автор располагает новыми записями эвенских благопожеланий-хиргэчэн с их мелодиями, что увеличивает корпус известных образцов этого жанра. Материалы, собранные автором, выразительно свидетельствуют о связи эвенских хиргэчэнов с монгольскими (а равно бурятскими и калмыцкими) благопожеланиями-йорелами (с. 80).

Очень интересна для этнографов и фольклористов гл. III – “Медвежий праздник уркачак”, в которой автор обобщает почти все известные материалы по культуре медведя и медвежьему ритуалу у эвенков. Основная часть этих материалов извлечена из записей В.Г. Богораза и специальных работ У.Г. Поповой, однако в распоряжении автора имеются и собственные записи текстов медвежьего ритуала (с. 98–99), которые и стали объектом музыковедческого исследования. Очень содержательной делают эту главу приводимые автором сравнения элементов медвежьего ритуала эвенков с аналогичными ритуалами эвенков и негидальцев.

В гл. IV – “К вопросу о шаманских обрядах” (с. 113–141) – рассматриваются музыкальные составляющие шаманской практики эвенков. Эта глава интересна по своему содержанию, хотя в ней нельзя не отметить некоторой несообразности в изложении материала, почерпнутого из работ других авторов. Так, автор принимает всерьез и пересказывает утверждение этнографа-эвенка А.А. Алексеева о том, что семейные шаманы у эвенков не имели атрибутов (с. 114), которое мы оцениваем как ошибочное. Более того, само разграничение эвенских шаманов на профессиональных и семейных спорно для эвенков Якутии и однозначно отсутствует у восточных групп эвенков. Те люди со сверхъестественными способностями, которых перечисляет автор, а именно – “знахари, целители, костоправы, толкователи снов, гадатели” (с. 114)¹, а также удачливые охотники и рыбаки, по нашим наблюдениям, у восточных эвенков назывались словом *хоми* (его можно перевести как “особенный”, “исключительный”, от эвен. *хо* “очень”), но иногда такого человека могут назвать и *хаман* “шаман”, что, очевидно, говорит о разнообразии форм и целей шаманской практики у эвенков. Любопытно обобщение литературных данных об обычаях расчленения тела шамана после смерти, практиковавшемся у эвенков-тюгасиров; по имеющейся литературе нам известно, что этот обычай был характерен для юкагиров и не отмечался у других народов. Материалом для музыковедческого исследования в этой главе служат восемь образцов эвенских шаманских песнопений *няя*, два из которых, имеющие нотировки, были записаны в 1928 г. А. Сотавалта и шесть зафиксированы автором (с. 132–

138). Очень важно наблюдение автора о том, что информанты исполнили воспроизводимые ими шаманские напевы “в ключе своих личных песен” (с. 140). Во-первых, оно подчеркивает высокую степень изученности автором музыкального “фона” бытования, хотя бы и пассивного бытования, шаманских песнопений. Во-вторых, оно соотносится с наблюдением Т.Д. Булгаковой, сделанным у нанайцев, согласно которому у исполнителей совпадают напевы шаманских камланий и сказки, но при этом они отличаются от напевов других жанров². Хотя сам автор, подчеркивая фрагментарность и неполную аутентичность имеющегося в его распоряжении материала, проявляет осторожность и воздерживается от категоричных выводов относительно причин мелодического сходства личных песен исполнителей и воспроизводимых ими шаманских песнопений (с. 140, 141), это наблюдение должно приобрести статус важного обобщения.

Гл. V – “Круговые танцы” – посвящена анализу словесных и музыкальных компонентов эвенского хороводного танца *хэде*. Здесь исследовательница использует как известные в литературе записи запевных слов и нотировки эвенского кругового танца, так и более 30 собственных записей (с. 146 и сл.).

Сама Т.В. Павлова, отмечая распространенность отдельных запевных слов у разных групп эвенков и общность таких слов у различных групп эвенков, которые раньше наблюдались М.Я. Жорницкой, отмечает источники возможности таких сходств, но воздерживается от выводов (с. 152). Исследовательница пишет: “Можно предположить, что когда-то томпонские эвены местности Сунтар восприняли эвенкийские танцевальные мелодии” (с. 153). Это предположение вполне реалистично – однако возможно, что общность запевов и мелодий кругового танца – следствие единых этноисторических истоков отдельных групп эвенков, в том числе и на уровне большой близости каких-то групп эвенков и эвенков. Интересен отмеченный в книге факт использования исполнителями явно “чужих” запевов кругового танца (с. 154) – это понятно: на эвенских праздниках, о которых автор поэтично пишет в начале главы, такие запевы могли передаваться от одной территориальной группы эвенков к другой.

Заключение к книге (с. 160–165) содержит характеристики современного бытования отдельных жанров эвенского музыкального фольклора в плане перспектив собирания новых полевых материалов, подчеркивает многоаспектную научную и культурную значимость изучения проблемы, намечает конкретные перспективы изучения музыкальной культуры эвенков.

Исключительно богата и содержательна библиография к рецензируемой книге (с. 166–179), включающая 252 названия. Эта библиография будет полезной любому этнографу, занимающемуся духовной культурой эвенков.

Нотное приложение содержит 65 образцов традиционного музыкального фольклора эвенков Якутии, – столько, сколько указано во “Введении” на с. 5, хотя в другом месте “Введения” говорится, что в приложении даны 82 образца. В приложении предлагаются вниманию читателей 4 напева эпических сказаний, 4 песни, 4 звукоподражания, 4 оленеводческих сигнала, 2 колыбельные песни, песня импровизация, 7 заклиний-хиргэчэн, напев медвежьего праздника, 8 шаманских песнопений *няя* и 30 мелодий эвенского кругового танца.

Книга Т.В. Павловой – объемное и содержательное исследование музыкального фольклора эвенков, а также их духовной культуры в целом, и в этом заключаются ее несомненные достоинства. Наряду с признанием заслуг автора и его весомого вклада в изучение музыкальной культуры, фольклора и этнографии эвенков мы считаем необходимым отметить и некоторые недостатки рецензируемой работы.

Одним из первых, кто обратился к нотировке образцов музыкального фольклора эвенков, был финский исследователь А. Сотавалта³. Автор цитирует материалы А. Сотавалта, записанные в 1928 г. от булунского эвена Г. Никитина и изданные в 1978 г. Х. Халеном по немецким переводам-изложениям. (см. с. 116–117, 127–128, 130, 131). Отметим, что в настоящее время имеются русские переводы этих материалов, сделанные непосредственно с эвенского языка⁴, хотя немецкое изложение, сделанное с использованием объяснений информанта, имеет ценность этнографического источника в той части, в какой оно не совпадает с содержанием эвенского текста.

Вызывают серьезные возражения соображения автора, которые касаются значения запевных слов эвенского кругового танца *хэде*. Автор в характеристике семантики запевных слов танца ссылается на А.А. Петрова, который на самом деле почерпнул приводимые им “сведения” из книги эвенской писательницы М.Н. Амаич “Не провожайте с тоской улетающих птиц” (Магадан, 1977) – ссылка на непосредственный источник семантики запевных слов, указанный А.А. Петровым, у Т.В. Павловой не приводится, – а также по сообщениям З.П. Никулиной, взятым, очевидно, из названной выше брошюры А.А. Алексеева (см. с. 144–145 рецензируемой книги). Однако Т.В. Павлова в этой главе не использует наблюдений Н.В. Слюнина над круговыми танцами восточных эвенков, который также пытался дать перевод запевных слов танца *хэде*, о чем она сама пишет во “Введении” (с. 12–13). Обратим внимание, что по непонятным причинам материал Н.В. Слюнина не привлекался к исследованию и теми из пишущих на темы о духовной культуре эвенков, на кого ссылается Т.В. Павлова. Впрочем, опыты толкования запевных слов эвенского танца *хэде* так или иначе лишены какой-либо лингвистической перспективы.

Можно сделать некоторые дополнения к историческому обзору материалов по музыкальной культуре эвенков. Здесь стоит указать, что одним из первых зафиксировал эвенские заповенные слова Г.А. Сарычев⁵. При этом, как явствует из описания Г.А. Сарычева, на рубеже XVIII–XIX вв. репертуар заповенных слов у отдельных групп эвенков был несколько иным, нежели ныне. Дополняя описания автора книги, мы отметим, что в 1930-е годы исполнение эвенского кругового танца у эвенков западных районов нынешней Магаданской обл. наблюдал геолог Б.И. Вронский, представивший их любопытное описание, в котором зафиксированы и заповенные слова⁶. Кстати, в его же книге воспоминаний мы находим также интересные характеристики исполнения эвенских песен-импровизаций и песни, заимствованной исполнителем-эвенком у якутов⁷. Все это, безусловно, существенно пополняет общую картину бытования песен и танцев у эвенков, хотя бы указанные источники и относились к другим регионам распространения эвенского этноса.

Из замечаний по лингвистическому материалу укажем, что эвенское слово *абага* (с. 99), которое встречается только в диалектах эвенков Якутии и Охотского района Хабаровского края, означает только “дед” или “старший брат отца или матери”, и в его характеристике не следовало бы опираться на значения этого слова в якутском языке. Перечисляя названия эвенских музыкальных инструментов, Т.В. Павлова приводит – опять же вслед за А.А. Петровым – слово *н “осин” ан* (с. 55), переводимое в словарях как “дудка”. На самом деле это слово – название растения из семейства зонтичных с полым стеблем, и нам неизвестно, чтобы оно служило для изготовления музыкальных инструментов. Кстати, такую же ошибку в отнесении этого слова к музыкальным инструментам допустил (очевидно, также по работам А.А. Петрова) и Ю.И. Шейкин, на которого ссылается Т.В. Павлова (с. 56). Весьма досадно, что, цитируя запись медвежьего рассказа по записи Н.П. Ткачика, хранившейся в личном архиве К.А. Новиковой, Т.В. Павлова не указывает место ее нахождения на момент ее личного знакомства с этой записью (корректурка этого текста, издание которого не было осуществлено в 1941 г. после начала войны, хранилась в личном архиве К.А. Новиковой до ее кончины в 1984 г.; в настоящее время судьба этой корректуры неизвестна).

Несмотря на большой объем библиографии к книге и в том числе на проявляемое внимание к трудам всех специалистов по фольклору и этнографии эвенков, в том числе и к работам автора настоящей рецензии, в списке литературы имеются некоторые пропуски. Так, в ней не учтена коллективная монография “История и культура эвенков” (СПб., 1997), а также некоторые наши статьи, по-видимому, по разным причинам оставшиеся неизвестными автору⁸.

Некоторым издательским недостатком работы является то, что в ней тексты к нотировкам даны непосредственно под нотной записью и не повторяются в отдельном приложении, которое создало бы читателям большее удобство в пользовании книгой. Была бы желательной и публикация в книге русских переводов словесных текстов для образцов тех жанров, которые имеют такой текст – иначе этот материал остается доступным только узкому кругу лингвистов.

В целом книга Т.В. Павловой представляет собой фундаментальное исследование и может быть названа лучшей в области исследований эвенского фольклора, выполненных в Якутии за последние 20 лет. Более того, она может служить образцом высокого уровня научных исследований в области гуманитарных наук в приложении к малочисленным народам Севера, который демонстрируют ученые Республики Саха (Якутия). Заслуживает похвал и издательство РГПУ им. А.И. Герцена, выпустившее в свет столь важный, интересный и полезный труд.

Примечания

¹ См.: Алексеев А.А. Забытый мир предков (очерки традиционного мировоззрения эвенков Северо-Западного Верхоянья). Якутск, 1993. С. 18–19.

² Булгакова Т.Д. Шаманство в традиционной культуре: системный анализ. СПб., 2001. С. 119–120.

³ Sotavalta A. Westlamlutische Materialien / Bearbeitet und herausgegeben von Harry Halen. Helsinki, 1978.

⁴ Шарина С.И., Бурькин А.А. Материалы по шаманству эвенков Якутии в записях А. Сотавалта // Культурное наследие народов Сибири и Севера (Матер. IV Сибирских чтений). СПб., 2000. С. 247–254.

⁵ Сарычев Г.А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. М., 1952. С. 60.

⁶ Вронский Б.И. На золотой Колыме. М., 1965. С. 43–44.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Бурькин А.А. Религиозные воззрения эвенков // Краеведческие зап. Вып. XIX. Магадан, 1993. С. 50–72; Он же. Этнокультурные связи эвенков и коряков в семиотике шаманских предметов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 140–154; Он же. Из истории собирания, изучения и публикации образцов фольклора эвенков (30-е – 90-е годы) // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. Т. 2. СПб., 1997. С. 121–138.